

ЭО, 2010 г., № 5

© А.Е. Тер-Саркисянц

**ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ
В ТРУДЕ МОВСЕСА ХОРЕНАЦИ
“ИСТОРИЯ АРМЕНИИ”
(к 1600-летию со дня рождения)**

Ключевые слова: Армения, V век, Мовсес Хоренаци, история, цари, национальные предания, эпические сказания, дохристианские культы

Статья, написанная в связи с 1600-летием выдающегося армянского историка Мовсеса Хоренаци, посвящена историко-этнографическим сюжетам, содержащимся в его основном труде – “История Армении”, который является одним из крупнейших памятников исторической литературы христианского Востока. Историк V в. поставил перед собой беспрецедентную для своего времени задачу – опираясь на многочисленные и разнообразие источники, народные предания, мифологические сюжеты, изложить целостную историю своей страны, начиная с древности – от истоков происхождения армянского народа до середины V в. При этом он излагает историю Армении не изолированно, а во взаимосвязи с историей как сопредельных, так и отдаленных стран, сообщая попутно ценнейшие сведения о них.

В истории армянской духовной культуры V в. назван “золотым”. И это не случайно. В самом его начале выдающимся просветителем Месропом Маштоцем (362–440) был создан армянский алфавит. Вслед за этим возникла армянская письменная литература. Первыми писателями стали Месроп Маштоц, его сподвижник католикос Сахак I Партев (387–428; 432–439) и их ученики. Прежде всего они занялись переводческой деятельностью и поэтому известны под именем “старших переводчиков”. Первым опытом их литературного творчества был перевод Священного Писания. Первая, записанная армянскими письменами строка из книги “Притчи Соломона”, звучала знаменательно: “Познать мудрость и наставление, понять изречения разума”. Со второй половины V в. в Армении начала процветать грекофильская переводческая школа, принципом которой являлась дословная передача греческого текста на армянском языке. Были переведены многие творения отцов Церкви, таких как Евсевий Кесарийский, Иоанн Златоуст, Афанасий Александрийский, Василий Кесарийский, Кирилл Иерусалимский и другие, а также сочинения знаменитых философов и ученых Древнего мира – Платона, Аристотеля, Зенона Стоика, Филона Александрийского и др. Некоторые из этих трудов стали достоянием мировой культуры только благодаря сохранившимся армянским переводам. Исключительное значение деятельности переводчиков для развития национальной культуры было осознано уже в V в., когда переводчиков причислили к лику святых и учредили *Таргманчац Тон* – Праздник переводчиков, который отмечали (и до сих пор отмечают) ежегодно в октябре как общенациональный праздник.

Одновременно это столетие явилось свидетелем возникновения и наивысшего расцвета армянской историографии. Армянские историки V в., освоив лучшие традиции греческих, римских, сирийских историков, опираясь на богатые армянские народные эпические сказания, создали оригинальные произведения, во многом определившие новый этап развития исторической мысли в эпоху раннего средневековья. Ценность их трудов, являющихся для нас первоисточниками, бесспорна, особенно если учесть,

что указанное столетие совпало со временем упадка греко-римской и начальных шагов византийской историографии, что сделало армянскую историографию на определенный период фактическим средоточием мировой исторической мысли (Саркисян 1990: VIII).

Быстрый и бурный расцвет армянской историографии в V в., сразу после создания письменности, предполагал, по всей видимости, постепенное накопление исторических знаний, в частности по истории Армянского государства, в фиксации которых оно нуждалось уже начиная со II в. до н.э. и вплоть до своего падения (Он же 1976: 57).

Первым историографическим сочинением армянской литературы считается агиографический труд Корюна “История жизни и смерти блаженного мужа, святого вардапета Маштоца, нашего переводчика” (который принято кратко называть “Житие Маштоца”), написанный им в период между 443 и 450 гг., т.е. вскоре после смерти его учителя в 440 г.

По определению историка V в. Лазаря Парпеци, “первой историей Армении”, охватывающей период с 224 по 330 г., явился труд “История Армении”, приписываемый Агафангелу (арм. Агагангелос). В этом труде, датированном 60-ми годами V в., собраны и переработаны написанные в разное время сочинения житийного характера. Основное внимание автора сосредоточено на утверждении в Армении христианства как государственной религии.

Автором “второй истории Армении” Лазар Парпеци называет Фавстоса Бузанда, ярко описавшего в последней трети V в. полные драматизма события, происходившие как в Армении, так и за ее пределами – в Сасанидском Иране и в Римской империи в период с 330 г. и до раздела Армении в 387 г. между этими государствами.

Сам Лазар Парпеци, считая свою “Историю” “третьей”, продолжил изложение происходивших в Армении событий с 387 г. и вплоть до 485 г. Основная тема его труда, написанного в конце V в., – народно-освободительные войны 450–451 и 481–484 гг. с персами.

В 60-е годы V в. появилось историческое сочинение участника освободительной войны 450–451 гг. Егише “О Вардане и войне Армянской”, в котором изложена история Армении от падения царства Аршакуни в 428 г. до 465 г.; при этом основное внимание уделено описанию в живой поэтической форме Аварайрской битвы с персами 26 мая 451 г.

Среди этой плеяды выдающихся представителей армянской историографии V в. ярче всех сияет имя Мовсеса Хоренаци (410–490), получившего почетное имя “отца армянской истории”. Традиция приписывает ему авторство целого ряда трудов, однако выношенный наукой образ его – историка и мыслителя – целиком зиждется на его “Истории Армении”. В этом труде содержатся и скудные данные из его биографии, дополненные некоторыми другими упоминаниями и преданиями. Согласно этим сведениям, Мовсес родился в сел. Хорен западноармянской области Тарон около 410 г. (точная дата его рождения неизвестна). Начальное образование он получил в одной из школ, открытых Месропом Маштоцем. В возрасте 22–25 лет ему посчастливилось оказаться среди лучших учеников, посланных Месропом Маштоцем и Сахаком I Партевом в Александрию для изучения, по его словам, “возвышенного языка и для близкого знакомства с науками”. По пути туда ученики посещают сирийский г. Эдессу и знакомятся с его богатыми архивами.

В Александрии, этом крупнейшем культурном центре Древнего мира, Мовсес усердно изучал языки, поэтику, риторiku, грамматику, теологию, философию, литературу, мифологию и получил классическое эллинистическое образование (Налбандян 1976: 32).

Через несколько лет, завершив свои занятия в Александрии, Мовсес возвращается на родину. На обратном пути морская буря заносит корабль в Италию. Отсюда через

Грецию и Малую Азию, посетив по дороге Афины и Константинополь, также известные своими знаменитыми школами и богатыми библиотеками, Хоренаци прибывает, наконец, в Армению (после 440 г.). Здесь он застаёт большие перемены: после падения царской династии в 428 г. отечество оказалось под чужеземным господством, уже не было в живых его наставников. Просвещенную молодежь встретили довольно холодно: освоившие греческую культуру и жаждавшие деятельности образованные люди не были желанны для персидских властей.

Несмотря на неблагоприятные условия, Мовсес, предоставленный самому себе, погружается в ученые занятия, в которых искал, как пишет его переводчик и издатель Н.О. Эмин, «единственного убежища от бедствий своего времени» (*Эмин* 1858: 3). Он работает над переводами, сочиняет оригинальные труды, занимается просветительством. А когда *марзпан* (верховный правитель) Армении Сахак Баградуни обратился к нему в 70–80-х годах с предложением написать историю Армении, он, хотя и был уже в преклонном возрасте, с удовольствием принимается за этот труд, обессмертивший его имя.

Созданная Мовсесом Хоренаци «История Армении» качественно отличается от трудов перечисленных выше историков V столетия. Последним мы обязаны непрерывными и достоверными сведениями об истории IV–V вв., в том числе яркими и подробными представлениями о трех важнейших событиях того периода – принятии Арменией христианства в качестве государственной религии в 301 г., изобретении национальной письменности в 405 г. и восстании против персидского владычества в 451 г., именуемом «войной Варданитов». Однако Мовсес Хоренаци, в отличие от тех историков, описывавших события, хронологически им близкие, первым поставил перед собой и блестяще осуществил беспрецедентную для своего времени задачу: изложить целостную историю родной страны, начиная с древности, от истоков происхождения армянского народа до современного ему периода. Он делит ее на три этапа, посвящая каждому одну из трех книг своей «Истории». Первая часть («Родословная Великой Армении») начинается с мифических времен и доходит до походов Александра Македонского в IV в. до н.э.; вторая («Средняя история наших предков») доведена до конца III в. н.э.; третья часть («Конец истории нашего отечества») охватывает период от кончины царя Трдата III Великого в 330 г. до кончины католикоса Сахака I Партева в 439 г. и Месропа Маштоца в 440 г. Завершается книга «Плачем» в связи с падением Армянского царства Аршакуни в 428 г. и бедственным состоянием страны. «Плач» – яркий образец риторического искусства. В нем звучат скорбные мотивы и гнев против врагов отчизны, любовь к народу и обличение социальных пороков общества.

«История без хронологии недостоверна», – пишет Хоренаци, тем самым значительно отличаясь от прочих армянских историографов своего времени, для которых, хотя и в разной степени, характерно весьма беспечное отношение к хронологии. Несмотря на ряд существенных отклонений, хронология Хоренаци считается крупным достижением армянской историографии, первой попыткой составления взаимосвязанной синхронизированной хронологической таблицы на определенный исторический период (*Саркисян* 1982: 64).

Наряду с другими произведениями армянских историков V в. сочинение Мовсеса Хоренаци было призвано пробудить на материале всей истории Армении самосознание народа в тяжелый для него период утраты государственности. Автор напоминает о богатой и героической истории своего народа, которой гордится. Заслуживает внимания его горделиво-скромное высказывание: «Хотя народ мы небольшой, весьма малочисленный, слабосильный и часто находившийся под чужим господством, однако и в нашей стране много совершенно подвигов мужества, достойных внесения в летопись» (*Хоренаци*: I, 3).

Для осуществления задуманного труда Хоренаци обращается к разнообразным источникам, в том числе к народным преданиям, мифологическим сюжетам, архео-

логическим, эпиграфическим, лингвистическим, этнографическим данным. Им были использованы и не дошедшие до нас памятники армянской историографии дохристианской, эллинистической эпохи. Важными источниками для него послужили также Библия, сочинения Гомера, Платона, Геродота, Полигистора, Мар Абаса Каины, Аристана из Пеллы, Порфирия, Евсевия Кесарийского, Иосифа Флавия, Клемента Александрийского, Диодора Сицилийского, Филона Александрийского и др. Хоренаци впервые в армянской историографии критически осмысливает использованные им источники, внося в свой труд только те факты, которые, по его мнению, “вполне правдивы”. Поэтому многое из его добросовестного рассказа подтверждается в ходе последующего изучения древнейшей истории Армении.

Среди ученого мира давно отмечено, что этот памятник V в. представляет для исторической науки исключительную ценность во многих отношениях. Так, Мовсес Хоренаци явился фактически единственным передатчиком древнейшего национального предания о происхождении армянского народа, которое начало складываться за полторы тысячи лет до его рождения. Хотя за столь долгий срок оно существенно трансформировалось, потеряв многие детали и обретя напластования, тем не менее и в дошедшем до нас благодаря Хоренаци виде оно содержит много исторической правды, что выясняется при сравнении его данных с древними (современными происходившим событиям) источниками (*Саркисян* 1990: XXXVI). В частности, целый пласт древнейшей армянской мифологии связан с неоднократными жестокими военными столкновениями между древнейшими племенами Армянского нагорья (а позднее Урарту) и Ассирии, что нашло отражение в борьбе легендарного армянского героя, считающегося родоначальником всех армян *hАйка*, с ассиро-вавилонским враждебным божеством Белом (предположительно это имя произошло от армянского звучания “Вавилон” как “Бабелон”).

Записанное впервые Хоренаци национальное предание о *hАйке* повествует о том, как “этот рослый, стройный *hАйк*, быстроокий, с густыми кудрями, мощными руками, славившийся между исполинами храбростью, был противником всех тех, которые поднимали руку единоподданного владычества над всеми гигантами и полубогами”; как он, не желая покориться воцарившемуся в Вавилоне после столпотворения деспоту Белу, который вознамерился подчинить себе всех людей на земле и требовал, чтобы его почитали как бога, восстал против него. После рождения у *hАйка* сына *Арменака* в Вавилоне он со своими сородичами, числом до 300 человек, “в сопровождении своих домочадцев и людей пришлых, присоединившихся к нему со всем своим имуществом”, отправляется из Вавилона на север, в “землю Аратскую”¹. Остановившись в долине, “у подножия одной горы, где жило небольшое число еще прежде рассеявшихся людей”, он строит здесь жилища, которые оставляет в наследство своему любимому внуку *Кадмосу*, а сам отправляется с остальными своими домочадцами дальше на северо-запад. Здесь в горной долине, названной им *hАрк* (мн.ч. от *хайр* – “отец”) (*Эмин* 1858: 248), он основывает селение, которое называет своим именем *hАйкашен* (т.е. построенное *hАйком*). Бел требует от *hАйка* признать его власть и вернуться в Вавилон. Однако *hАйк* непреклонен. Тогда Бел, собрав войско, устремляется за ним, чтобы наказать непокорного. Между ними завязывается бой, во время которого “страшно задрожала земля от столкновения между собой исполинов обеих сторон и от воинственного их напора. Безумный ужас овладел всеми при виде обоюдного натиска”. В этом бою *hАйк* убивает Бела, пронзив его грудь стрелой из своего мощного лука, и обращает его войско в бегство. На месте этого сражения *hАйк* основал селение и назвал его “в память победы” своим именем *hАйк*.

Мовсес Хоренаци заключает это повествование словами: “Страна же наша, по имени родоначальника *hАйка*, называется *hАйк*”, а вся область стала называться *hАйоц-дзор* (Армянское ущелье) (*Хоренаци*: I, 10–11). Сыновья и внуки *hАйка* расселяются по Армянскому нагорью, нарекают своими именами горы, реки и озера,

основывают новые поселения и становятся предками армянского народа. Сам же родоначальник hАйк выступает как отец всех богов, прародитель и эпоним армян и Армении.

Одно из напластований этого предания, как подметил в свое время Г.Х. Саркисян, можно с уверенностью выделить как идущее от Библии, в частности, включение hАйка в библейскую родословную, в линию потомков сына Ноя Йафета (согласно армянскому преданию, hАйк был сыном Торгома (библ. Тогарма) – внука Йафета и правнука Ноя, т.е. праправнуком Ноя). Поэтому в источниках Армении обычно именовали как *дом*, или *страну Торгомовой*. Одновременно армяне определяли себя также как *племя Асканазово* – по имени брата Торгома – Асканазы.

Об этом же свидетельствует первоначальное помещение hАйка в Вавилоне и, следовательно, все описание его пути отсюда на север, в “страну Араадскую”, где он оказывается со всем своим родом в области hАрк западнее оз. Ван, в соседстве с областями Тарон и Сасун. Этот факт подтверждается ассирийскими и урартскими клинописными источниками XII–VIII вв. до н.э., в которых в качестве первоначальных областей обитания протоармянских племен на Армянском нагорье упоминаются *страны Уруме – Урме – Арме*, а также *Архи*, приходящиеся именно на области Сасун – Тарон – hАрк, причем последняя область созвучна по названию со страной Архи. Таким образом, приведенное Хоренаци национальное предание, подтвержденное древнейшими иноязычными источниками, служит свидетельством его древности и подлинности (Саркисян 1990: XXXVI–XXXVII).

Продолжая свой рассказ, Хоренаци перечисляет потомков hАйка, среди которых особенно известен как защитник границ армянской земли его праправнук *Арам*. Повествуя о нем, автор подчеркивает: “Он – муж трудолюбивый, любящий свое отечество, предпочитал скорее умереть за родной край, нежели видеть, как сыны инородных попирают родную землю, а чужеродные мужи господствуют над его соплеменниками” (Хоренаци: I, 13). Арам – также предок и эпоним народа и страны, именем которого, по народной этимологии, стала называться страна армян другими народами, о чем историк пишет: “Все народы называют нашу землю его именем: греки – Армен, парсы и сиряне – Армени[ќ]” (Там же: 12).

По мнению специалистов, оба мифических предка армян – hАйк и Арам – были, видимо, божествами двух мощных племенных союзов, находившихся в западной части Армянского нагорья – *Хайаса-Аззи* (II тысячелетие до н.э.) и *Арме-Шубриа* (XII–VII вв. до н.э.) и населявших их *хайасов* и *арменов*, игравших основную роль в процессе этногенеза армян.

Опять же только в “Истории Армении” Мовсеса Хоренаци сохранилось национальное предание о начале армянской государственности, которое в еще большей степени, чем предание о происхождении народа, подтверждается древнейшими иноязычными источниками. Повествуя о создании первого армянского царства в конце VII в. до н.э., Хоренаци пишет, что это была династия выделившегося в племенном союзе Арме-Шубриа вождя Скайорди², которого он называет “мужественный родоначальник наш” и приводит исторический факт о том, что тот поселил Санасара, одного из убийц ассирийского царя Синаххериба (его убийство произошло в 681 г. до н.э.), “на юго-западе нашей страны” (Там же: 23). После Скайорди племенным вождем стал его сын Паруйр, который прославился тем, что, объявив вместе с мидийцами и вавилонянами в 616 г. до н.э. войну Ассирии, совместно с ними принял участие сначала в разгроме г. Ашшура, а затем, в 612 г. до н.э., ее столицы Ниневии, в благодарность за что был признан мидийцами царем “царства Араатского” и был, как величает его Мовсес, “первый венценосец армянский”, “наш первый государь” (Там же: 21–22). Приведенный факт подтверждается сообщениями вавилонской хроники VII в. до н.э. и древнегреческого историка Геродота о разгроме Ассирийской державы и взятии Нине-

вии, что с учетом дополненных Хоренаци данных дает возможность точно датировать время образования Армянского государства (*Саркисян* 1990: XXXVII).

Кроме того, в “Истории Армении” подробно описано, как это государство вскоре после своего возникновения вступило в ожесточенную борьбу со своим прежним союзником – Мидийской державой и как в этой борьбе армянский царь Тигран, сын царя Ерванда I, названном историком *Сакавакеац*, т.е. “Кратковечный”, вместе с персидским царем Киросом II Великим (558–530) разгромил Мидийскую державу. Об этих же событиях повествует и Ксенофонт Афинский в своем историко-нравоучительном произведении, своего рода романе о воцарении Кира Старшего и падении Мидийской державы – “Киропедия” (“Воспитание Кира”). Из него стало известно, что Кир II в разговоре со своими приближенными о царе Армении (при этом он не называет его имени) сетует, что тот “проникся высокомерием, не посылает нам на помощь войска и не платит причитающейся дани”. Ксенофонт называет имена сыновей царя Армении – Сабарис и Тигран, при этом последний представлен другом Кира II времен его юности по совместной охоте (*Киропедия*: II, 4; III, 1).

Благодаря сохраненному Мовсесом Хоренаци преданию о нем сделавшийся царем в середине VI в. до н.э. Тигран Ервандян стал хорошо известен в армянской историографии. Об этом царе он пишет, что своим “державством и мудростью он превосходил всех наших царей, а мужеством не только этих мужей, но и всех прочих”, что был он “правдивый, справедливый, он на весах ума своего взвешивал поступки каждого; не завидовал лучшим мужам; не презирал простолюдина, а старался равномерно распространять на всех одежду своей заботливости” (*Хоренаци*: I, 24). В повествовании Хоренаци царь Тигран Ервандян (которому он приписывает деяния и правившего в I в. до н.э. царя Тиграна II Великого) предстает как крупная историческая личность с красивой внешностью. Когда в 553 г. до н.э. началась война между Мидией и Ираном, Тигран вместе со своим сыном, царевичем Ваһагном, геройски борясь с последним мидийским царем – Астиагом (по Хоренаци – чудовищем Аждахаком³, т.е. мифологическим драконом), помог персидскому царю Киру II разгромить мидийцев.

Особое значение имеет пространное повествование Хоренаци о внутренней жизни страны, в частности о первом представителе армянской ветви династии Аршакуни, которого он называет царем Вагаршаком. Согласно приведенным им сведениям, внук Аршака Храброго, парфянский царь Аршак II Великий, вступив в Армению, назначает своего брата Вагаршака ее царем, “дав ему во владение север и запад”. Став царем, Вагаршак проявил, как пишет Хоренаци, большой интерес к прошлому вверенной ему страны. Желая узнать ее историю, “кто и какие мужи владели до него Арменией, привелось ли ему занять место храбрых или трусов”, Вагаршак, “отыскав одного Сириянина по имени Мар Абас Катина, мужа мудрого и сведующего в халдейской и греческой письменности, отправляет его к великому брату своему, Аршаку, с достойными дарами, прося последнего открыть перед ученым мужем государственные архивы” (Там же: 8). Свою просьбу к брату Вагаршак излагает в письме, также приведенном Хоренаци. По приказу Аршака Великого Мар Абас Катина был допущен к царскому архиву, где он нашел книгу, переведенную по повелению Александра Македонского с ассирийского языка на греческий, из которой, как сообщает Хоренаци, “извлекает достоверную историю только нашего народа и приносит ее в Мцбин к царю Вагаршаку”. Тот, “считая эту историю первым своим сокровищем, хранит ее в своем дворце с большой осторожностью и отрывки из нее приказывает начертить на столбе” (Там же: 9).

Именно эта книга, найденная и записанная Мар Абасом Катиной, в которой содержались древнейшие предания и история армян до царя Вагаршака и его сына Аршака, послужила Мовсесу Хоренаци, как он сам говорит, одним из важнейших источников для его “Истории Армении”. Однако современные армянские историки образ царя Ва-

гаршака не воспринимают как реальный и трактуют как собирательный, отождествляемый с другими, жившими гораздо позднее царями, например, Вагаршем II или Трдатом (по мнению одних – Первым, по мнению других – Третьим). В то же время сами реалии, описанные Хоренаци, историчны и достоверны, что подтверждается при их сопоставлении с соответствующими реалиями сопредельных с Арменией стран той эпохи (Саркисян 1986: 50).

В изложении Хоренаци в реформаторской деятельности Вагаршака фактически объединены деяния нескольких царей. Из этого описания мы черпаем множество фактов, пусть скрупулезно не датируемых, но вполне отражающих облик государственного аппарата, царского двора, войска, правосудия, городов, соотношения города и села и других реалий Древней Армении, которые не затрагивает ни один из прочих источников. К примеру, говоря об общественном статусе горожанина, который был значительно выше, чем статус сельского жителя, Хоренаци свидетельствует, что этот порядок был отражен в указе царя Вагаршака, который “повелевает горожанам иметь почет перед поселянами, а поселянам почитать горожан наравне с вельможами”. Он пишет, что и “горожане не должны слишком величаться перед поселянами, напротив, (обязаны) обращаться с ними по-братски для сохранения благочиния и согласия как источника благоденствия, спокойствия в жизни, и многое тому подобное” (Хоренаци: II, 8).

Особенно ценны сведения Хоренаци о генеалогии армянских царей, нахарарских (княжеских) родов, о процессе формирования самого феодально-нахарарского строя Армении, который еще в I в. начал оформляться не только как политическая, но и как экономическая организация. Историк дает четкое представление о том, как возникали крупные *нахарарства* – феодальные владения, которые прежде управлялись царскими чиновниками, а затем становились наследственной собственностью нахараров; как становились наследственными также их государственные и придворные должности; где располагались владения нахараров на территории Армении; каковы были взаимоотношения царя с нахарарами – от мирных до порой сильно обострившихся и доходивших до кровавых столкновений. Хоренаци приводит важные сведения о частновладельческих хозяйствах знати и царей в Древней Армении, о трудившихся в них рабах-земледельцах; об осуществлении царем Арташесом I (189–160) первой земельной реформы. В целях определения четких границ между частновладельческими и общинными землями правитель приказал установить “межевые знаки”, о которых историк пишет: “И утвердил знаки для границ таким образом: приказал обтесать четырехугольные камни, выдолбить в середине их круглое углубление и зарыть их в землю и воздвигнуть на них четырехугольные башенки, слегка возвышающиеся над землей” (Там же: 56). До нас дошли 13 межевых камней с надписями Арташеса I на арамейском языке⁴. Рассказывая о деятельности этого царя, историк подчеркивает, что “он увеличил народонаселение Армянской земли введением в нее многих чужеземцев, водворяя их в городах, в долинах и на равнинах” (Там же: 56).

Сведения Мовсеса Хоренаци во многом дополняют данные античных авторов, например, Страбона, Плутарха, Аппиана о массовых переселениях из завоеванных стран в Армению, которые предпринимали армянские цари, особенно Тигран II (95–55) с целью снабдить частновладельческие хозяйства рабской силой, увеличить население городов, а также основывать новые города. Известно, что это был широко практиковавшийся в эллинистический период принцип *синойкизма*, т.е. переселения части жителей, нередко насильственного, из старых городов, причем переселенцами, помимо армян, были представители разных этносов – сирийцы, персы, евреи, но чаще всего греки (Кркяшарян 1964).

Именно Хоренаци мы обязаны описанием заключительного периода эволюции древнеармянского государства, от раздела Армении в 387 г. между Сасанидским Ира-

ном и Римской империей (с 395 г. – Византией) и до упразднения царской династии Аршакуни в 428 г.

Один из наиболее ценных даров, которые преподнес Мовсес Хоренаци своему народу, сохранив образцы его древнейшей духовной культуры, – памятники языческой религии и древнего фольклора. Благодаря Хоренаци мы знаем имена божеств древнейшего армянского пантеона и связанные с ними мифы и легенды.

Наиболее яркая легенда связана с сыном *Арама* – умирающим и воскресающим божеством *Ара Гехециком* (Ара Прекрасным). Он почитался армянами как воплощение природы, весеннего пробуждения, растительности, плодородия. Его ипостасью являлось Солнце-*Арегак*, т.е. он олицетворял собой все атрибуты жизни и вечного обновления. Рядом с Ара Гехециком фигурирует женское божество – *Шамирам*, подобно тому, как у других древневосточных народов присутствует вместе с Осирисом – Исида, с Думузи – Инанна, с Таммузом – Иштар, с Аттисом – Кибела, с Эшмуном – Астроноя, и такие пары символизируют единство и противоположность мужского и женского начала, источник жизни.

Записанная Хоренаци легенда гласит, что ассирийская царица Шамирам (греч. Семирамида), наслышавшись о славившемся своей красотой армянском царе Ара Гехецике, посылает к нему вестников «с дарами и подношениями, со множеством обещаний и с мольбой прибыть к ней в Ниневию и, женившись на ней, царствовать над всем, чем владел Нин... Но Ара не соглашается, и тогда Шамирам, в великом гневе, прекратив посылку гонцов, спешит с огромными полчищами достигнуть Армянской страны и напасть на Ара... Поспешно достигает она равнины Ара, которая и названа по его имени Айраратом. Перед сражением она наказывает своим полководцам всячески стараться сохранить жизнь Ара. Но в битве рать Ара терпит поражение и сам Ара гибнет в бою от рук воинов Шамирам... Ара находят мертвым среди отважных бойцов, и она велит положить его в горнице дворца. Когда же армянская рать вновь ополчается на битву с царицей Шамирам, дабы отомстить за смерть Ара, она говорит: “Я велела своим богам зализать его раны, и он оживет”. Она, обезумевшая от вожделения, и действительно надеялась оживить Ара чарами своего колдовства. Когда же труп его разложился, она повелела бросить его в глубокую яму и засыпать. При этом, тайно вырядив одного из своих любовников, распускает о нем такую молву: “Боги облизали (раны) Ара и, оживив его, осуществили наше заветное желание нам на усладу; поэтому они отныне достойны еще большего нашего поклонения и прославления как исполнители нашей воли, доставляющие радость”. Она возводит некое новое изображение во славу богов и торжественно чествует его жертвоприношениями, желая показать всем, якобы сила этих богов возвратила Ара к жизни. Таким образом, распустив по Армянской стране эту молву о нем и удовлетворив всех, она добилась прекращения войны» (*Хоренаци*: I, 15).

В основу этой легенды положены имевшие место в действительности отношения между древними обитателями Армянского нагорья и граничившим с ним семитским миром. Прототипом Шамирам была ассирийская царица Шамурапат (VIII в. до н.э.), при которой между Ассирией и ее северным соседом Ванским царством (Урарту) произошел ряд столкновений (*Абегян* 1975: 25–27).

Этот миф лег в основу рассказанного древнегреческим философом Платоном широко известного мифа об Эре Армянине: он был убит в сражении, но когда 10 дней спустя стали собирать уже обезображенные трупы павших вместе с ним, его тело нашли целым и неповрежденным. Когда на 12-й день при совершении погребального обряда тело Эра положили на костер, он ожил и рассказал все, что видел в загробном мире (*Платон*: X, 614).

Из глубины тысячелетий Хоренаци донес до потомков подлинный текст поэтического мифа-песни о рождении армянского Геракла – бога грома, молний и грозы Вага-

на, символа храбрости и бесстрашия, победителя драконов, который, как он указывает, слышал “собственными ушами”:

В муках рождения находились небо и земля;
 В муках рождения лежало пурпуровое море;
 Море разрешилось красненьким тростником;
 Из горлышка тростника выходил дым;
 Из горлышка тростника выходило пламя;
 Из пламени выбегал юноша,
 У него были огонь-волосы;
 Борода была из пламени,
 А очи словно два солнышка⁵.

(Хоренаци: I, 31)

Продолжая свой рассказ, Хоренаци пишет: “Далее в песне сказывалось, что Ваһагн сражался с драконами и победил их и приписывались ему некоторые подвиги, очень похожие на Геракловы. Говорят также, что он обожествлен: в Иверской стране почитали жертвоприношениями его статую, сделанную в рост”. Историк связывал образ Ваһагна с исторической личностью – царевичем Ваһагном, сыном армянского царя Тиграна Ервандяна (середина VI в. до н.э.), который, как отмечалось выше, в союзе с персидским царем Киrom II победил царя мидийцев Астиага (у Хоренаци – Аждахака, имя которого в армянской мифологии соответствует термину *вишан*, т.е. дракон) (Там же: 31). Поэтому образ Ваһагна слился в народном сознании с образом бога *Ваһагна-драконоборца*.

Выдержки из различных эпических произведений, созданных народом в разные времена, сохранились также благодаря тому, что были записаны Мовсесом Хоренаци в его “Истории Армении”. По этим отрывкам из устного народного творчества можно судить о поэтическом мышлении народа в Древней Армении. Особенно много эпических сказаний, относящихся ко второй половине I в. до н.э. – первой половине I в. н.э., хранилось при нем в области Гохтн, поэтому их условно называют *Гохтанскими песнями*. Некоторые отрывки из этих произведений Хоренаци записал дословно. Особый интерес среди поэтических сказаний, дошедших до нас в сравнительно полном виде, представляет цикл сказаний о царе Арташесе II (по мнению современных армянских историков, под этим именем следует подразумевать царя Трдата I, правившего во второй половине I в.).

В этом эпосе говорится о том, как аланы, захватив “половину грузинской земли”, появляются с многочисленным войском у границ Армении. Царь Арташес собирает свое войско; армии встретились на берегу Куры, и “произошла война между двумя храбрыми народами”. Армянам удается взять в плен аланского царевича. Обеспокоенный царь аланов обязуется отдать все, что Арташес ни пожелает, клянцется заключить вечный мир, чтобы даже в будущем потомки аланов не посмели совершать набеги на страну Армянскую. Но Арташес не соглашается вернуть царевича. Тогда на берегу реки появляется сестра царевича – царевна Сатеник и обращается к царю Арташесу:

К тебе речь моя, храбрый муж Арташес,
 К тебе, победителю храброго народа аланов;
 Согласись отдать юношу мне, прекрасноокой дочери аланов.
 Не подобает героям отнимать жизнь у племени других героев
 За какую-нибудь месть,
 И тем самым укоренять вечную вражду
 Между двумя храбрыми народами.

Арташес, услышав такие мудрые речи от прекрасной девы, влюбляется в нее, соглашается на перемирие и посылает сватов к ее отцу с предложением отдать Сатеник ему в жены. Но поскольку царю аланов, верному обычаям своей страны, не пристало

сразу же соглашаться на замужество дочери, он дает понять, что может и отказать, так как якобы сомневается в возможностях Арташеса заплатить богатый выкуп за его дочь:

А где возьмет храбрый Арташес
Тысячи из тысяч и тьму из тьмы,
Чтобы заплатить за благородную царственную дочь аланов?

И тогда (с этого места Мовсес Хоренаци предупреждает, что последующее содержание сказания, распеваемое рапсодами в их песнях, “обречено на вымысел”, очевидно, потому, что слишком гиперболизировано):

Мужественный царь Арташес сел на красивого вороного коня,
И вынул аркан из красной кожи с золотым кольцом,
И пролетел быстрокрылым орлом через реку;
И бросил аркан из красной кожи с золотым кольцом,
И обхватил стан царственной девы аланов,
И причинил сильную боль стану нежной царственной девы,
Быстро увлекая ее в свой лагерь.

Далее речь идет о свадебном торжестве, во время которого, в соответствии с принятым у армянских царей обрядом, “золотой дождь шел на свадьбе Арташеса, жемчужный дождь лился на свадьбе Сатеник” (*Хоренаци*: II, 50).

Хотя Сатеник стала “первою между женами” Арташеса и родила ему Артавазда и многих других сыновей, брак этот не был счастливым. Царица влюбляется в дракона Аргама (в фольклорной передаче – Аргавана). Артавазд, который, по словам Хоренаци, “стал человеком храбрым, себялюбивым и гордым”, убеждает отца наказать Аргама, уверив его, что “тот якобы замыслил стать царем над всеми”. Однажды Аргам приглашает царскую семью на обед, во время которого сыновьям царя становится ясно, что против них замышляется заговор. Разгневанный Арташес посылает сына Мажака с войском и приказывает сжечь дворец Аргама и стереть с лица земли весь его род (Там же: 51).

Хоренаци сохранил эпическое сказание и о сыне Арташеса и Сатеник – Артавазде. Во многом оно связано со смертью Арташеса и его похоронами. Согласно всему интересному с этнографической точки зрения описанию историком этих похорон, “множество людей умерло во время смерти Арташеса, любимые жены, наложницы и верные слуги. Похороны в честь его были великолепны не по обычаю варваров, но народов образованных. Гроб был золотой; престол и ложе – из виссона; одежда на нем золототканая; на голове корона, золотой меч перед ним; около престола сыновья его и множество сродников; за ними воины и родоначальники, и толпа нахараров, и полки вооруженных воинов, как бы готовых на бой; впереди – звучащие медные трубы, позади – рыдающие девы, одетые в траур, плакальщицы и, наконец, толпа простолюдинов. Таким образом понесли и схоронили Арташеса. Над его могилой происходило много добровольных смертей, как мы выше сказали. Так умер царь, любимый нашим отечеством, после двадцати одного года царствования” (Там же: 60).

Наследник престола, Артавазд, увидев, как искренне страна оплакивает смерть его отца и как множество народа жертвует своими жизнями (что тем самым уменьшает число его будущих подданных), преисполнился, по словам историка, зависти и с гневом обратился к отцу:

Ты ушел и унес с собой всю нашу землю;
Как же мне царствовать над развалинами?
И тогда Арташес проклинает сына;
Если ты поедешь на охоту на свободный Масис,
Тебя захватят духи, повлекут на свободный Масис;
Там останешься и света не увидишь более.

Проклятие Арташеса вскоре сбывается – не видеть более света белого завистливому Артавазду. Во время охоты он был пойман злыми духами *каджками* и закован в цепи в одной из мрачных пещер горы Масис; с тех пор две собаки беспрестанно грызут его цепи, а сам он пытается выйти из пещеры и сокрушить мир, но от звука ударов кузнечных молотов его оковы снова укрепляются (Там же: 61).

Это сказание, представляющее собой вариант легенды о боге Митре или, скорее, о Прометее, сохранялось в армянском народе в течение долгих веков, и еще в XIX и даже в начале XX в. в ряде областей в субботу вечером, перед тем как запереть кузницу, или по воскресеньям кузнецы в память об Артавазде трижды с размаху ударяли молотом по наковальне, чтобы укрепить его цепи (подробно об эпосе, напр., см.: *Абегаян* 1975: 30–48).

У Мовсеса Хоренаци сохранились интересные сведения о том, что в древнейшей столице Армении, Армавире, существовал оракул. Он пишет, что там, близ храма Аполлона и Артемиды, находилась священная роща платанов – прорицалище, где “шелест листьев этих деревьев и колебание их при тихом или сильном дуновении воздуха, в течение многих веков составляли науку гадания в Армянской земле” (*Хоренаци*: I, 20).

Хотя приведенный мною перечень описываемых Мовсесом Хоренаци событий далеко не полный, полагаю, что и в таком виде он уже позволяет судить о том, сколь широк и разнообразен был круг охваченных автором исторических сюжетов. Содержащиеся в его труде обширные сведения до сих пор служат в качестве первоисточника для многих исследователей, занимающихся различными проблемами, в первую очередь в области мифологии.

В заключение отмечу, что неоспоримая заслуга Мовсеса Хоренаци состоит и в том, что он излагает историю армянского народа не изолированно, а в контексте всемирной истории, во взаимосвязи с историей не только сопредельных государств, с которыми Армения имела в те времена политические, экономические и культурные связи, но и отдаленных стран (от Британии до Китая), сообщая попутно ценнейшие сведения о Вавилонии, Ассирии, Палестине, Урарту, Ахеменидском Иране, Греции, державе Селевкидов, Древнем Риме, Парфии, Сасанидском Иране, Византии, Сирии, Грузии, Кавказской Албании, народах Северного Кавказа, в результате чего его труд стал первоисточником по истории и этим стран. “История Армении” Мовсеса Хоренаци считается в ученом мире одним из величайших памятников исторической литературы христианского Востока. На протяжении веков этот труд служил учебником по истории армянского народа и оказал большое влияние на последующее развитие национальной историографии⁶.

О значимости для мировой культуры труда Мовсеса Хоренаци свидетельствует тот факт, что начиная с 1695 г. он более 40 раз издавался в разных городах мира (Амстердам, Венеция, Лондон, Париж, Бостон, Санкт-Петербург, Москва, Тбилиси, Ереван) на армянском, латинском, французском, итальянском, английском, русском языках. Самому Хоренаци и рассмотренным в его “Истории” сюжетам посвящено множество исследований на армянском, русском и западноевропейских языках.

Примечания

¹ Так это сочетание употреблено переводчиком труда Мовсеса Хоренаци на русский язык Н.О. Эмином. Позднее Ст. Малхасянц высказал мнение, что под этим названием следует понимать не “Араратскую землю”, а “Арарадскую”, и что данные территории не следует смешивать. “Арарадская страна” находилась далеко на юго-западе Армянского нагорья, у подошвы Таврских гор, к северо-западу от Древней Ассирии (*Малхасянц* 1939: 136). Это мнение было принято современными историками. Так, в вышедшем в 1990 г. в Ереване новом переводе с древнеармянского языка на русский труда Мовсеса Хоренаци “История Армении”, выполненного Г.Х. Саркисяном, употреблено название “земля Арарадская”. Он подчеркивает, что у Хоренаци *Арарадская земля* не связана ни с Айраратом (долиной среднего течения Аракса), ни с горой Арарат, которая упоминается у него не под этим названием, а под народным – *Масис* (*Саркисян* 1990: 224, примеч. 76).

² По поводу этого имени высказывались разные точки зрения. Так, Б.Б. Пиотровский объяснял перевод слова *Скайорди* как “сын исполина”, или “сын скифа” (Пиотровский 1959: 126); С.Т. Еремян – как “сын скайев”. Племя скайев, как полагал последний, было одним из фригийских племен, родственных армянам, которое в доурартский период локализовалось на территории, расположенной западнее Мокса, а позднее – в Малой Азии (Еремян 1984).

³ Аждахак (Ажи Дахак) – персонаж древнеперсидского зороастрийского эпоса, считался у древних армян прародителем мидийцев. Характерное для древнеармянской литературы отождествление Аждахака с мидийским царем Астиагом основано на случайном созвучии (Дьяконов 1956: 42–44, 300, примеч. 4). Поскольку армяне называли мидийцев *мар* (от перс. *mar*), а это слово означало *змея*, *вишан*, то и Аждахак ассоциировался у них с вишапом, т.е. с мифологическим драконом (Абемян 1975: 35–36).

⁴ Первый жеговой камень был найден в 1906 г., второй – в 1932 г., позднее было найдено еще 11 таких камней. Средняя высота каждого из них – 70 см, ширина – 30 см, толщина – 20 см; они высечены в форме четырехгранных башенок, увенчанных тремя закругленными зубцами; снизу выступает штырь для вставки в углубление постамента, т.е. они имеют полное сходство с описанием Мовсеса Хоренаци. Одна из стандартных надписей, наиболее краткая, гласит: “Арташес царь, сын Зарега, Ервандакан, разделил землю между селениями” (Саркисян 1986: 29).

⁵ Эту песню специалисты считают одним из древнейших космогонических мифов, в котором прослеживается очевидная связь бога *Vahagna*, олицетворявшего солярный культ, с небом и землей, водной стихией и растительным миром (Топоров 1977; Вардумян 1991: 114).

⁶ В разные периоды взгляды арменоведов на труд Мовсеса Хоренаци менялись. Если на первом этапе, вплоть до середины XIX в., сохранялось безоговорочно-благоговейное отношение к нему, то позднее, к концу этого века и началу XX столетия, в классической филологии распространялись сверхкритические взгляды, основанные на некоторых замеченных противоречиях между греко-римскими источниками и сообщениями Мовсеса Хоренаци. В результате данные “Истории Армении” были объявлены недостоверными (Gutschmid 1876) и даже сфальсифицированными (например, образцы народного эпоса), а сам труд стал казаться набором сказаний и мало достоверных рассказов (Халатьянц 1896; 1903).

Несколько позднее стал дискутироваться вопрос и о времени жизни самого Мовсеса Хоренаци. Одни ученые относили даты его жизни к V в. (Ф.С. Сонуеаре, Ст. Малхасянц, М. Абемян и др.), другие – к VII, VIII и даже IX в. (А. Carriere, Н.Я. Марр, J. Marquart, Н.Г. Адонц, Я.А. Манандян), но все сходились на оценке его труда как важнейшего исторического источника. В конце концов, было определено, что историк действительно жил и творил в V в. В дальнейшем, с середины XX в., десятки ученых-арменоведов (И.А. Орбели, С.Т. Еремян, Б.Н. Аракелян, Л.С. Хачикян, Б.Б. Пиотровский, К.В. Тревер, И.М. Дьяконов, Г.Х. Саркисян, Г.А. Тирацян, А.Г. Периханян и многие другие) перешли к исследовательскому рассмотрению сообщаемых Мовсесом Хоренаци фактов с точки зрения исторической достоверности каждого из них посредством перекрестной проверки с другими разнообразными источниками – памятниками клинописи, сообщениями античных авторов, данными археологии, эпиграфии, этнографии, лингвистики. В результате это дало возможность научно обосновать реальность многих приведенных Хоренаци фактов.

Американским ученым Робертом Томсоном (Tomson 1978), при переводе им труда Мовсеса Хоренаци на английский язык, была сделана попытка вновь воскресить гиперкритический взгляд на “Историю Армении” со всеми его крайностями, в том числе сдвинуть время жизни историка на VIII в., а заглавие самого труда перевести не как “История Армении”, а как “История армян”, считая, что термин “Армения” был только географическим понятием. Одновременно в Армении стали появляться и работы, авторы которых (например, Л. Мириджанян, Л. Шагинян) начали безоговорочно воспринимать как достоверные все сообщения Мовсеса Хоренаци (подробно см.: Абемян 1975: 134–143; Саркисян 1986).

Литература

- Абемян 1975 – Абемян М. История древнеармянской литературы / Пер. К. Мелик-Оганджяна и М.О. Дарбинян. Ереван, 1975.
 Вардумян 1991 – Вардумян Г.Д. Дохристианские культы армян // Армянская этнография и фольклор: Матер. и исслед. Вып. 18 / Отв. ред. С.Т. Еремян, И.Г. Левин. Ереван, 1991. С. 61–145.

- Дьяконов* 1956 – *Дьяконов И.М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.: Л., 1956.
- Еремян* 1984 – *Еремян С.Т.* Армяне и фригийцы // Коммунист. (Ереван). 1984. 8 янв.
- Кркияшарян* 1964 – *Кркияшарян С.М.* Синойклизм в эллинистической Малой Азии и Армении // Историко-филологический журнал. (Ереван). 1964. № 1. С. 107–118 (на арм. яз.).
- Ксенофонт* – *Ксенофонт*. Киропедия / Изд. подгот. В.Г. Борухович и Э.Д. Фролов. М., 1976.
- Малхасянц* 1939 – *Малхасянц Ст.* Примечания к переводу кн.: История епископа Себеоса. Ереван, 1939.
- Налбандян* 1976 – *Налбандян В.С.* Древняя и средневековая армянская литература (V–XVIII вв.) // *Налбандян В.С., Саринян С.Н., Агабабян С.Б.* Армянская литература / Отв. ред. С.К. Дароян. М., 1976. С. 7–155.
- Пиотровский* 1959 – *Пиотровский Б.Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959.
- Платон* 1998 – *Платон*. Государство. Законы. Политика. М., 1998.
- Саркисян* 1976 – *Саркисян Г.Х.* Черты эллинизма в духовной культуре Древней Армении // Историко-филологический журнал. (Ереван). 1976. № 3. С. 51–62.
- Саркисян* 1982 – *Саркисян Г.Х.* Мовсес Хоренаци // Видные деятели армянской культуры (V–XVIII вв.) / Ред. Г.Х. Саркисян. Ереван, 1982. С. 56–67.
- Саркисян* 1986 – *Саркисян Г.Х.* “История Армении” Мовсеса Хоренаци. Ереван, 1986.
- Саркисян* 1990 – *Саркисян Г.Х.* Пер. с древнеарм., введ. и примеч. к кн.: Мовсес Хоренаци. “История Армении”. Ереван, 1990.
- Топоров* 1977 – *Топоров В.Н.* Об отражении одного индоевропейского мифа в древнеармянской традиции // Историко-филологический журнал. (Ереван). 1977. № 3. С. 88–106.
- Халатьянц* 1896 – *Халатьянц Г.* Армянский эпос в “Истории Армении” Моисея Хоренского. М., 1896.
- Халатьянц* 1903 – *Халатьянц Г.* Армянские Аршакиды в “Истории Армении” Моисея Хоренского. М., 1903.
- Хоренаци* – (*Мовсес Хоренаци*). История Армении Моисея Хоренского / Перевел с армянского и объяснил Н. Эмин. М., 1858.
- Эмин* 1858 – *Эмин Н.О.* Примечания к кн.: История Армении Моисея Хоренского. М., 1858.
- Gutschmid* 1876 – *Gutschmid A. von.* Über die Glaubwürdigkeit der Armenischen Geschichte des Moses von Khoren. Leipzig, 1876.
- Thomson* 1978 – *Movses Khorenatsy.* History of the Armenians / Translation and Commentary on the Literary Sources by Robert W. Thomson. Cambridge, 1978.

A.E. Ter-Sarkisants. Historical-Ethnographic Sujets in Movses Khorenatsi’s Work “History of Armenia” (Toward the 1600th Anniversary)

Keywords: Armenia, Fifth century, Movses Khorenatsi, history, tsars, national legends, epic stories, pre-Christian cults

The article, which is produced to mark the 1600th anniversary of the remarkable Armenian historian Movses Khorenatsi, discusses historical-ethnographic sujets that are present in his major work on the “History of Armenia”, which is considered one of the landmarks of historical literary prose of the Christian East. The fifth-century historian embarked on an unprecedented mission for his own time – namely, to expound, by drawing on various sources, legends, and myths, a consistent view of his country’s history from the origin of the Armenian people up to the middle of the fifth century. Furthermore, he saw it not as a history of an isolated country, but as a history connected to the development of both neighbor and faraway countries, of which he managed to tell us many valuable details.